

—О Диме. Я говорил уже, что Дима Ивлиев, с которым я учился в одной группе с первого курса, производил впечатление благовоспитанного, очень вежливого юноши из хорошей семьи, чуть-чуть даже жеманного. В нём чувствовалось что-то аристократическое, и я в какой-то степени был удивлён уже тем, что он отправился в экспедицию, где работа была не столько умственной, сколько физической. Так вот, как ни странно, в экспедиции Дима проявил себя как наиболее приспособленный к полевым условиям человек по сравнению со всеми остальными студентами. У него палатка была всегда хорошо натянута, комары выкурены, в палатке чисто, бельё выстирано, у порога палатки стояли домашние тапочки. Кашеваром он был лучшим из нас всех, умел быстро развести огонь, не чурался тяжёлой работы.

Димуля кашеварит

—Мы с ним сблизились. Я узнал, что живёт он вдвоём с отцом, с которым сильно не ладит. Мать у него умерла, когда ему было лет десять. В Новосибирске живёт старшая сестра, замужняя. Но это, пожалуй, и всё, что я узнал о его домашней жизни. В последующие годы мы с ним стали не просто знакомыми, а на какой-то период по-настоящему сдружились, но мне всегда казалось, что в его личной жизни для меня осталось много неоткрытых тайн, с которыми, возможно, связана его необычная (на взгляд многих) судьба.

Кошелевский и Димуля на кухне

Кошелевский и Димуля чего-то мастерят

Димуля мечтает под сосною

— В августе одна из последних стоянок была на Шаче в Костромской области километрах в трёх от деревни Сусанино и километрах в семидесяти от Костромы. Из этих мест, говорят, происходил Иван Сусанин. Здесь мы разбили лагерь прямо в лесу на сравнительно небольшой поляне в излучине Шачи, то есть обтекаемой ею с трёх сторон.

Я на Шаче

— Грибов было навалом: маслята, обабки, рыжики, которые росли не только в лесу, но и прямо на обочинах просёлка, ведущего к деревне. Шача кишела раками. У местного пастуха я научился спиннинговать, лишив его пары блёсен в зацепах, и выловил первых в моей жизни щук - первой был щурёнок граммов на двести, а вторую, под килограмм (т.е. чуть больше полкило), я поймал в присутствии Сашеньки. Сашенька щурят зажарила, и мы вдвоём их съели.

Рыбалка на Шаче

— Это было счастливое время, когда при последней перебазировке нас двоих (наверняка ввиду нашего явного взаимного тяготения дабы не нарушать нашу неразлучность) оставили караулить часть лагеря, не поместившуюся в машину. Мы жили в одной палатке, готовили себе пищу, собирали грибы, слушали приёмник, загорали, купались, то есть счастливо бездельничали, хотя, правда, занимались и обработкой лент. Ляцкие к этому времени уже уехали в Ловозеро, Володька Кошелевский, Дима и Лариса закончили работать и разъехались по домам. Я собирался остаться ещё и на сентябрь, Сашенька же до начала занятий хотела съездить домой в Тейково.

Сашенька на Шаче

В Сусанине, кстати, мне запломбировали - и очень хорошо - давно досаждавший мне зуб в передвижном (на венгерском "Икарусе") стоматологическом кабинете - цивилизация всё-таки пробивалась и в эти дебри. А в Костроме на меня неотразимое впечатление произвёл гигантский памятник Ленину, возвышающийся над Волгой и установленный на вычурном пьедестале, заготовленном перед революцией для памятника в честь 300-летия династии Романовых.

Дня три или четыре райской жизни на Шаче пролетели, за нами приехала машина. В

Ярославле Сашенька простилась с нами, я поехал дальше. Последняя стоянка была где-то в районе Рыбинска, теперь отряд составляла орава пятикурсников, проходивших практику (Юра Копытенко, Боб Киселёв, Таня Плясова, остальных я не запомнил). Из этой толпы только Татьяна выделялась - игрой на гитаре и негромким пением. Тогда уже пели Окуджаву, но больше чисто физфаковские и экспедиционные песни. Пелось у костра хорошо...

— Запомнились подосиновики на этой стоянке и светящийся гнилой пень, кусочек которого я привёз в Ленинград.

— Лето кончилось, началась осень. Пора было возвращаться, уже шли занятия, но я ещё решил съездить домой в Калининград. Надо было объясниться со Светой, для меня уже всё решилось...

— В Калининград я приехал с бородой, которую отпустил в экспедиции, и которая почему-то гуще всего росла на шее под подбородком, т.е. на шотландский как бы манер. У нас гостил в это время дядя Вова, сохранились фотографии - я провожаю его на автовокзал к автобусу в аэропорт, снимал папа.

С дядей Вовой в сентябре 1963 г., Калининград

— Со Светой мы встретились где-то в центре города, пошли посидели в кафе, то ли в "Снежинке", то ли у зоопарка, а потом долго сидели на скамейке в скверике напротив кинотеатра "Заря", где сейчас стоит кирпичная пятиэтажка, и, наконец, я проводил её до дома на Светлой улице, в последний раз.

— Света не хотела верить, что мы расстаёмся, хотя с весны уже мы не переписывались. Сначала в её голосе звучали нотки гнева и возмущения, затем они сменились нотами боли и обиды, но и, как ни странно, ещё надежды. Никому в жизни я не сделал так больно, как ей в тот вечер, и за это я платил потом рвущими душу воспоминаниями и снами, в которых она мне снилась и через годы.

— Я помню, что четко осознавал своё предательство по отношению к ней, но альтернативой могло быть только второе - по отношению к Сашеньке. Собственно, первое уже совершилось, и нужно было давить в себе острое чувство жалости и боли, чтобы не совершить второе.

— Я нисколько не жалею, что наши пути со Светой разошлись. Трудно сказать, смогли бы мы с ней долго прожить вместе. Я люблю Сашеньку и до сих пор, она хорошая жена, хоть и со своими недостатками, и мать прекрасных наших детей. Но Света подарила мне минуты настоящей первой любви, и прощание с ней было для меня самым тяжёлым моральным испытанием в моей жизни. Зря, наверное, я увиделся с ней тогда. Возможно, без этой встречи ей легче было бы забыть меня, но мне хотелось быть честным и перед ней, и перед Сашенькой, и пришлось быть жестоким.

А ведь жестокость хуже нечестности...

(продолжение следует)